

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК / UDC 398.1

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-385-399

Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти

*Александр Викторович Исаков*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Исаков А. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются особенности представлений о Чингис-хане, воплотившихся в фольклорных преданиях монгольских народов. Примечательно, что сюжеты устных преданий о Чингис-хане не имеют почти ничего общего со сведениями письменных источников о жизни основателя Монгольской империи, таких как «Сокровенное сказание монголов» и другие известные нам монгольские, тюркские, китайские и персидские хроники. Из этого следует, что фольклорные тексты о жизни и деяниях Чингис-хана основываются на неких устойчивых фольклорно-мифологических структурах, которые в устной традиции заместили память о его реальной биографии. *Цели и задачи* исследования. В работе предпринята попытка выделить и классифицировать фольклорно-мифологические структуры, лежащие в основе фольклорных преданий монгольских народов о Чингис-хане. *Материалы и методы.* Материалом исследования служат тексты монгольского, бурятского и калмыцкого фольклора, записанные в XIX – начале XXI в. В качестве основных методов исследования используются сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы фольклористики. *Результаты.* Выделено четыре основных группы сюжетов о Чингис-хане, каждой из которых соответствует определенная мотивная структура и комплекс мифологических представлений: предания о чудесной биографии Чингис-хана, о Чингис-хане как культурном герое, топонимические и генеалогические предания с участием Чингис-хана. *Выводы.* Память о Чингис-хане в фольклорной традиции монгольских народов сформировалась на основе традиционных представлений о первопредках-демиургах — культурных героях, к числу которых был отнесен и легендарный правитель. Живя в некоторое «изначальное время» и обладая чудесной, необычной — как и подобает мифологическому герою — биографией, он осваивает, преобразует и означает окружающий мир, создает важные предметы культуры, совершает действия, которые в дальнейшем превратятся в обычаи и обряды, дает начало современным этническим группам и династиям, в целом — закладывает

основы существующего миропорядка. Большинство реальных подробностей жизни Чингис-хана оказались за рамками этих мифологических представлений, а его фольклорный образ и биография составлены в основном из набора черт и мотивов, традиционно приписываемых героям данного типа.

Ключевые слова: Чингис-хан, монгольский фольклор, бурятский фольклор, калмыцкий фольклор, несказочная проза, предание, историческая память, культурная память, мифологизация истории, культурный герой

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139, <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>).

Для цитирования: Исаков А. В. Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 385–399. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-385-399

Genghis Khan in Folklore Legends of the Mongolian Peoples: Mythological Framework of Memory

Aleksand V. Isakov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

© KalmSC RAS, 2024

© Isakov A. V., 2024

Abstract. Introduction. The article examines the features of ideas about Genghis Khan, embodied in the folklore legends of the Mongolian peoples. It is noteworthy that the plots of oral traditions about Genghis Khan have almost nothing in common with information from written sources about the life of the founder of the Mongol Empire, such as “The Secret History of the Mongols” and other Mongolian, Turkic, Chinese and Persian chronicles known to us. It follows from this that folklore texts about the life and deeds of Genghis Khan are based on certain stable folklore-mythological structures, which in the oral tradition replaced the memory of his real biography. *Goals and purposes of the study.* The study makes an attempt to identify and classify the folklore and mythological structures underlying the folklore legends of the Mongolian peoples about Genghis Khan. *Materials and methods.* The research material is based on the texts of Mongolian, Buryat and Kalmyk folklore, recorded in the period from the 19th to the beginning of the 21st century. Comparative-typological and structural-semiotic methods of folkloristics are used as the main research methods. *Results.* Four main groups of legends about Genghis Khan have been identified, each of which corresponds to a specific plot-motivic structure and a set of mythological ideas: legends about the wonderful biography of Genghis Khan, about Genghis Khan as a cultural hero, toponymic and genealogical legends with the participation of Genghis Khan. *Conclusions.* It can be concluded that the memory of Genghis Khan in the folklore tradition of the Mongolian peoples was formed on the basis of traditional ideas about the first ancestors-demiurges — cultural heroes, which included the legendary ruler. Living in some “primordial time” and possessing a wonderful, atypical — as befits a mythological hero — biography, he masters, transforms and signifies the world around him, creates important cultural objects, performs actions that will later turn into customs and rituals, gives rise to modern ethnic groups and dynasties, in general — lays the foundations of the existing world order. Most of the real details of Genghis Khan's life were beyond the scope of these mythological ideas, and

his folklore image and biography were composed mainly of a set of traits and motives traditionally attributed to heroes of this type.

Keywords: Genghis Khan, Mongolian folklore, Buryat folklore, Kalmyk folklore, non-fairy tale prose, legend, historical memory, cultural memory, mythologization of history, cultural hero

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian National Fund, project no. 23-78-10139 “The Legacy of the Great Mongol Empire and the Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia”. Available at: <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

For citation: Isakov A. V. Genghis Khan in Folklore Legends of the Mongolian Peoples: Mythological Framework of Memory. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16(2): 385–399. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-2-385-399

1. Введение

Чингис-хан — центральная фигура в исторической памяти всех монгольских народов. Ему посвящено большое количество литературных и фольклорных повествований, созданных и бытующих с XIII в. до наших дней. В этой статье мы сосредоточимся на изучении фольклорных нарративов о Чингис-хане.

Примечательно, что сюжеты устных преданий о Чингис-хане не имеют почти ничего общего со сведениями письменных источников о жизни основателя Монгольской империи, таких как «Сокровенное сказание монголов» и другие известные нам монгольские, тюркские, китайские и персидские хроники. Разные исследователи констатируют, что в монгольских, бурятских и калмыцких преданиях фигурируют не столько факты из биографии Чингис-хана, сколько мифологические представления людей об этом герое [Бичеев 2021; Дампилова, Дамбийхорлоо 2018; Жуковская 1988; Цендина 2004; Цыбикова 2022; Birtalan 2005].

Такое положение вещей объясняется особенностями исторической памяти в устной культуре, где представления о событиях и личностях прошлого конструируются на основе устойчивых формул, структурных схем, стереотипов, клише и т. п. [Vansina 1985]. Как замечает С. Ю. Неклюдов, репертуар фольклорных сюжетов, связанных с определенной исторической личностью, предопределяется не индивидуальной биографией героя, а его принадлежностью к определенному выделяемому в традиции классу персонажей: «в соответствии с принадлежностью персонажа к подобному классу, традиция приписывает ему определенные признаки и поступки» [Неклюдов 2007: 84]. Исходя из этого можно предположить, что круг сюжетов преданий о Чингис-хане сформировался на основе традиционных представлений о том, каковы должны были быть биография и поступки великого хана. По аналогии с формулировкой М. Хальбвакса, в своей работе впервые выдвинувшего тезис о социокультурной обусловленности памяти [Хальбвакс 2007], эти предзаданные параметры памяти о Чингис-хане в фольклоре монгольских народов мы могли бы назвать мифологическими рамками памяти.

В данном исследовании мы попытаемся выделить и классифицировать фольклорно-мифологические структуры, лежащие в основе фольклорных преданий монгольских народов о Чингис-хане.

2. Материалы и методы

Материалом исследования служат опубликованные тексты монгольского, бурятского и калмыцкого фольклора, а также неопубликованные записи бурятского

фольклора, хранящиеся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Хронологические рамки исследуемого материала охватывают период с XIX по начало XXI в.

В качестве основных методов исследования используются сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы фольклористики.

3. Результаты

3.1. Чудесная биография Чингис-хана

Первая группа сюжетов, которую можно выделить в преданиях о Чингис-хане, связана с описанием его необычной биографии.

Рождение Чингис-хана в фольклоре часто преподносится как сверхъестественное событие. В одних преданиях утверждается, что его родила ханская дочь, которую все время держали взаперти, а забеременела она от солнечных лучей [Семь звезд 2007: 182–183; Хангалов 2004: 64]. Заметим, что мотив зачатия от солнечного света присутствует и в «Сокровенном сказании» и других монгольских хрониках, но там он относится не к Чингис-хану, а к его предку Бодончару [Козин 1941: 81; Цендина 2007: 38]. В других преданиях Чингис-хана называют посланником Неба: либо самим бурханом [Потанин 1883: 228], либо перерожденцем божества [Семь звезд 2007: 86], либо сыном Хурмасты [Потанин 1883: 230], либо посланником Будды, который должен в трудные времена установить на земле порядок, став правителем-чакравартином [Чингис хааны тухай домгууд]. Этот мотив перекликается с сюжетом монгольского эпоса о Гэсэре, в частности с его книжной версией. Как и Гэсэра, Чингис-хана называют сыном Хурмасты, кроме того, в некоторых версиях предания говорится, что Будда задумал отправить на землю Чингиса перед своим уходом в нирвану — с этого же начинается книжная версия эпоса о Гэсэре [Гесериада 1935: 35]. Конечно, нельзя здесь не отметить и то, что мотив небесного происхождения монгольских ханов (не только Чингис-хана, но и его дальних предков), часто фигурирует в хрониках, начиная с «Сокровенного сказания» [Козин 1941: 79; Цендина 2007: 38]. Мотив буддийского сверхъестественного происхождения Чингис-хана, очевидно, проникает в фольклор в период активного распространения буддизма среди монгольских народов — в это время буддийские элементы появляются и в фантастических генеалогиях монгольских ханов в письменных хрониках, которых порою называют перерожденцами буддийских божеств [Цендина 2007: 122–123]. В еще одном из преданий рассказывается, что маленький Чингис, сойдя с неба на землю, лежал под двумя деревьями, которые вскормили его своим соком [Потанин 1883: 228–229]: здесь тоже подчеркивается чудесное, нечеловеческое происхождение Чингис-хана.

К составляющим чудесной биографии Чингис-хана в фольклоре можно отнести и мотив его имянаречения. Происхождение имени «Чингис» объясняется тем, что рядом с мальчиком однажды оказалась птица, прошебетавшая: «Чин-чин» (или «Чингис-чингис») [Потанин 1883: 232; Хангалов 2004: 64–65; Цыбикова 2022: 150]. Этот мотив встречается и в литературных повествованиях о Чингис-хане (например: [Лубсан Данзан 1973: 66]).

Восхождение Чингис-хана на престол в фольклорных преданиях также обставлено необычными подробностями. В одном предании маленького Чингиса, сошедшего с неба, зовут на ханский престол, потому что после смерти старого

хана у него не осталось наследников, и тогда сановники решают призвать правителя со стороны [Потанин 1883: 229]. Довольно распространены повествования о том, как мать будущего хана отказалась от него и отправила одного вплавь по реке [Потанин 1883: 231–232; Хангалов 2004: 64]. В другой версии беременную мать Чингис-хана прогоняют из дома, посадив на баржу и отправив плыть к чужим землям, где она и рождает сына [Семь звезд 2007: 183]. К этому мотиву может примыкать история нахождения Чингиса среди чужого народа (у китайцев), которые сначала находят и воспитывают, а затем прогоняют его, и уже после этого он приходит к монголам, которые признают в нем ниспосланного Небом правителя [Цыбикова 2022: 150]. Мотивы изгнания и скитаний, а также прихода правителя из чужих земель, весьма распространенные в мировом фольклоре и литературе, часто встречаются и в монгольских хрониках, где таким образом повествуется о легендарных предках Чингис-хана — Худзун-Сандалиту, Буртэ-Чино, Бодончаре [Цендина 2007: 44, 47].

Мифологизируется в фольклорной памяти и смерть Чингис-хана. Нередко его убийство приписывается некой коварной женщине. Распространены предания, в которых смерть Чингис-хана связывается с его попыткой взять в жены дочь враждебно настроенного хана [Потанин 1883: 229; Смолев 1902; Цыбикова 2022: 150–151]. После того как Чингис завоевывает жену силой, она убивает его своими ножницами или ножом (при этом может фигурировать важная подробность, что жена отрезала Чингису половой орган, т. е. лишила его не только жизни, но и «мужской силы»). В другой версии предания после того, как Чингис-хан завоевал владения другого правителя и силой взял в жены его дочь, на него наслала проклятие женщина-колдунья [Цыбикова 2022: 151].

Примечательно, что фольклорная биография Чингис-хана не завершается его смертью. Предания сообщают, что теперь Чингис-хан стал бурханом и живет на небе [Потанин 1883: 229, 232]. В фольклоре также встречаются сообщения о грядущем новом пришествии Чингис-хана на землю [Потанин 1883: 231]. Есть версия, что Чингис-хан придет вместе с буддой грядущего Майтреей (Майдари), чтобы бороться с темными силами [Цыбикова 2022: 154].

Как мы видим, в фольклоре повествования о жизни Чингис-хана строятся на основе мифологических мотивов, подчеркивающих необычность его биографии, полной чудесных происшествий и знамений, и сверхъестественную природу самого великого хана. Примечательно, что в устной традиции образ Чингис-хана «притягивает» к себе в том числе и те мотивы, которые в литературных текстах относятся к его предкам или вообще к героям из другого ряда, — например, Гэсэру.

3.2. Чингис-хан как культурный герой

Следующая группа фольклорных сюжетов о Чингис-хане объединена мотивом созидания каких-либо предметов или явлений культуры монгольских народов. Иными словами, Чингис-хан здесь действует как культурный герой. Стоит отметить, что порою Чингис-хана называют создателем всего мира [Потанин 1883: 231], но этот мотив не столь распространен. Все же чаще речь идет об изобретении им отдельных предметов и обычаев, которые стали неотъемлемой частью традиционной культуры монголов.

Самый популярный сюжет из этой группы — об изобретении Чингис-ханом архи (традиционного алкогольного напитка из молока). Количество записей и

перечень мест, где они были сделаны, позволяют судить о том, что этот сюжет был широко распространен в фольклоре монголов [Потанин 1883: 211–212, 230], бурят [Небесная дева лебедь 1992: 272–274; Хангалов 2004: 65–67; Цыбикова 2022: 151–152] и калмыков [Мифы, легенды и предания 2017: 155; Семь звезд 2007: 85–86]. Общая сюжетная канва большинства этих преданий такова. Желая создать алкогольный напиток на радость людям, Чингис-хан соединяет девять (иногда три) ингредиентов, имеющих подчеркнуто символический характер, например: слюна бешеной собаки; лезвие острого ножа; голова гнилой овцы; щека красивого человека, копыта быстрого коня; прозрачность текущей воды; пламя горящего огня; сок растущей зеленой травы; в три раза скрученные путы [Цыбикова 2022: 151]. Иногда изначально он берет 12 ингредиентов, но напиток получается чересчур сильнодействующим, и тогда Чингис-хан убирает из состава три лишних ингредиента. Далее может следовать демонстрация действия напитка, в которой участвуют слепой, безрукий и безногий. Действие архи оказывается столь чудесным, что слепой начинает видеть, а безрукий и безногий обретают отсутствующие конечности. Можно сказать, что в подобных преданиях Чингис-хан проявляет себя как герой-трикстер, который своим изобретением нарушает обычный порядок вещей. Иногда предания об изобретении им архи дополняются и другими эпизодами, в которых еще сильнее проявляется плутовское поведение Чингис-хана: например, в одном тексте он с помощью водки опьяняет льва и тем самым избегает его мести за нарушенное обещание [Хангалов 2004: 66–67].

Интересно отметить, что существуют подобные предания, где изобретение архи приписывается другим персонажам — дочери Чингис-хана [Семь звезд 2007: 88–89], Гэсэру, Будде Шахьямуни [Потанин 1883: 212], тюркам [Небесная дева лебедь 1992: 274]. Есть также версии сюжета об изобретении архи, где этот напиток оценивается исключительно негативно, а его создателем объявляется отрицательный персонаж мифологии, например демон Арааха [Потанин 1883: 212]. Девять ингредиентов здесь показательно называются девятью ядами. В литературе монголов и бурят также распространялось сочинение о том, что архи из девяти ядов создал предводитель демонов, дабы отвести людей от учения Будды [Владимирцов 1910: 173–174; Ёндон, Сазыкин 1986].

Наряду с преданиями об изобретении архи в фольклоре бытуют сюжеты о том, как Чингис-хан запрещал употребление алкоголя, но в итоге решил отменить свой запрет, осознав пользу этого напитка [Басангова 2012: 618; Мифы, легенды и предания 2017: 155; Семь звезд 2007: 86–88; Birtalan 2005: 307]. В качестве важного аргумента в пользу архи, который смог убедить Чингис-хана, нередко приводится ее использование во время обрядов поклонения духам. Поэтому Чингис-хан рассматривается как основоположник традиции подношения архи божествам, духам местности и предкам.

Среди других предметов, к изобретению которых причастен Чингис-хан, называются кумыс и табак [Жуковская 1988: 629; Birtalan 2005: 306].

Большая группа преданий посвящена тому, как Чингис-хан положил начало различным обычаям и обрядам монгольских народов. Их происхождение объясняется определенными случаями из его жизни. Например, обычай считать второй месяц по лунному календарю пятым месяцем связывается с хитростью Чингис-хана: он договорился воевать с Китаем в пятом месяце, а потом принял

решение объявить пятым месяцем второй [Легенды о Чингисхане 2009: 439]. Обычай ждать отставшего всадника, если его конь начал мочиться, предание объясняет случаем, когда воины Чингис-хана не стали ждать своего товарища, и с ним случилось несчастье. После этого Чингис-хан издал соответствующее повеление [Легенды о Чингисхане 2009: 440; Birtalan 2005: 306]. Ордосская традиция делать на праздник Белого месяца пряники в виде плотов, по версии фольклора, введена в память о случае, когда войско Чингис-хана смогло уйти от врагов, переправившись через реку на плотках [Легенды о Чингисхане 2009: 442]. Также Чингис-хану приписывают учреждение некоторых элементов свадебного обряда [Жуковская 1988: 629; Цыбикова 2022: 152–153; Birtalan 2005: 306], обряда бескровного жертвоприношения «сэтэр», обрядов в честь первого кобыльего молока и первого кумыса [Birtalan 2005: 306]. Приведенный здесь список традиций, возводимых к Чингис-хану, не полон. Думается, что он потенциально бесконечен, поскольку самые разные явления культуры можно связать с Чингис-ханом тем образом, которым это делается в народных преданиях.

Рассмотренные выше тексты демонстрируют, что в фольклоре монгольских народов существует явная тенденция связывать возникновение значимых предметов и явлений культуры с фигурой Чингис-хана. Это делается либо путем включения Чингис-хана в широко распространенную сюжетную схему, где он оказывается взаимозаменяем с рядом других персонажей, как в преданиях об изобретении архи, либо путем сочинения сюжетов, увязывающих возникновение того или иного явления культуры с конкретными обстоятельствами жизни Чингис-хана. Неизменной остается мифологическая роль Чингис-хана как творца и зачинателя привычных всем монголам вещей и традиций.

3.3. Чингис-хан в топонимических преданиях

Большое количество фольклорных повествований о Чингис-хане можно отнести к жанру так называемых топонимических преданий, то есть преданий, объясняющих происхождение названий различных местностей и географических объектов. Такие предания широко распространены среди монгольских народов Внутренней Азии, при этом они имеют ярко выраженный локальный характер: в каждой местности рассказывают о своих географических объектах, так или иначе связанных с Чингис-ханом. В то же время порождающие модели топонимических преданий о Чингис-хане универсальны — похожие сюжеты могут бытовать в разных местностях, различаясь лишь местом действия и фигурирующими в них географическими названиями. В редких случаях речь идет о названиях, напрямую отсылающих к Чингис-хану — как, например, горы под названием «Три башни Чингиса» [Памятники фольклора 2015: 466], или Чингисов вал [Легенды о Чингисхане 2009: 431; Небесная дева лебедь 1992: 297–298; Сказания бурят 1890: 132]. Чаще в этих преданиях фигурируют названия, на первый взгляд никак не связанные с Чингис-ханом, а основное содержание сюжета состоит как раз в том, чтобы тем или иным образом установить эту связь.

А. Бирталан делит все топонимические предания о Чингис-хане на две группы в зависимости от того, как именно в них объясняется связь конкретного географического объекта с Чингис-ханом [Birtalan 2005: 302–305]. Думается, что проведенная этим исследователем типология достаточно полно отражает основной репертуар сюжетных моделей данных преданий.

Предания первой группы отталкиваются от необычных форм ландшафта, в которых можно заподозрить рукотворное происхождение. Так, необычная форма гор объясняется попаданием в них стрел Чингис-хана — отсюда, согласно преданию, и название «Три башни Чингиса» (*Чингисийн гурван цонж*). Неизвестно кем проложенная дорога под названием «Путь Чингиса» (*Чингисийн зам*) или небольшие впадины, именуемые «Следами коня Чингиса» (*Чингисийн морины мөр*), тоже рассматриваются как следы деятельности великого хана. Некоторые объекты могут напоминать орудия человеческой деятельности и иметь соответствующие названия. Фольклорная традиция нередко также связывает их с Чингис-ханом. Например, о горе с усеченной вершиной под названием «Гора-наковальня» (*Дөш уул*): рассказывают, что это была наковальня Чингис-хана [[Birtalan 2005: 302–304](#)].

Сюжеты второй группы преданий объясняют происхождение топонимов тем, что в этих местах некогда побывал Чингис-хан, и их названия даны в память о произошедших с ним здесь событиях. В отличие от сюжетов первой группы, они сосредоточены не на форме объекта, а на его названии, и пытаются прояснить его этимологию. Например, согласно преданию, озеро Болдог называется так, потому что в нем омывали младенца-Чингиса (от монг. *угааж болгох* ‘омывать’) [[Легенды о Чингисхане 2009: 429](#); [Birtalan 2005: 305](#)]. А название реки Иркут (бур. *Эрхүү*) в одном бурятском предании объясняется тем, что когда-то Чингис-хан со своей женой проезжал здесь вдоль берега и жена в это время сильно раскапризничалась (*эрхүү* по-бурятски значит «капризный») [[Небесная дева лебедь 1992: 166](#)].

Отдельно стоит сказать об одном сюжете, который порою выступает в качестве топонимического предания, объясняя происхождение сразу целого ряда топонимов. Это сюжет о погоне Чингис-хана за лисицей-оборотнем. В одной из его версий действие разворачивается на территории современного Забайкальского края, где живут агинские буряты. Утверждается, что во время этой погони Чингис-хан бежал, разворачивая землю, и так образовался Чингисов вал. Реку, на берегу которой он целился в лису из лука, стали называть Онон (от *оноон* ‘зарубка на стреле для тетивы’). А место, где он застрелил лису, сначала назвали Ала (от *алаа* ‘убил’), а теперь называют Ага [[Небесная дева лебедь 1992: 297–298](#); [Цыбикова 2022: 154](#)]. В другой версии действие предания происходит на юге Бурятии, и утверждается, что во время погони за лисицей Чингис-хан дал названия местностям в районе реки Джиды. Местность, где он останавливался, теперь называется Ичетуй (в данном случае связывается с бур. *Унжөөтэй* от *унжэхэ* ‘дневать’), местность, где на его пути лежал снег, получила название Цагатуй (*Цагаатай* — здесь: «покрытый снегом») и т. д. [[Санджэ-Сурун 2017: 61–62](#)]. В альтернативном варианте в погоне участвует брат Чингис-хана, желающий отомстить женщине-оборотню за убийство правителя [[Смолев 1902](#)].

Предания «топонимического цикла» показывают Чингис-хана организатором пространства: следы его деятельности обнаруживаются повсюду в формах ландшафта и — еще чаще — в названиях географических объектов. Освоение, означивание, преобразование природного пространства также можно рассматривать как функции Чингис-хана — культурного героя наряду с теми, о которых говорилось в предыдущей части статьи. Кроме того, в этих преданиях проявляется символическая значимость Чингис-хана для представителей монгольских

народов: они стремятся связать историю своих местностей с его деяниями, тем самым утвердив свою причастность к этой значимой фигуре.

3.4. Чингис-хан в фольклорных генеалогиях

Еще одна группа преданий, мифологизирующих фигуру Чингис-хана, относится к категории генеалогических, т. е. повествующих о происхождении родоначальников этнических групп и династий. Чингис-хан в этих преданиях обычно предстает всеобщим предком, к которому возводятся родословные самых разных родов, племен, народов и правящих династий разных стран.

Интересно, что чаще всего в таких преданиях не утверждается непосредственное происхождение от самого Чингис-хана. Распространены сюжеты, в которых герой-родоначальник рождается у жены Чингис-хана от другого мужчины, либо он является ребенком брата или сына Чингис-хана. Тем не менее имя Чингис-хана обязательно фигурирует в этих повествованиях и, думается, не случайно: в картине мира монгольских народов связь с великим ханом и его семейством в любом случае считается значимой.

Как и топонимические предания о Чингис-хане, генеалогические предания чаще имеют локальный характер: в разных местностях были зафиксированы тексты, утверждающие родственную связь местных этнических групп с Чингис-ханом. Например, в Бурятии записано предание, согласно которому во время поездки Чингис-хана по Прибайкалью его жена устала и отказалась ехать с ним дальше. Тогда он оставил ее в этих краях с одним своим батором. В дальнейшем жена Чингис-хана забеременела от этого батора и родила двоих детей, один из которых остался жить на западном берегу Байкала, а второй поселился на восточном [*Небесная дева лебедь* 1992: 166].

Известны случаи, когда мотив родственной связи с Чингис-ханом проникает в сюжеты, преимущественно бытующие в отрыве от цикла преданий о монгольском правителе. Один из таких примеров — версия предания о происхождении бурятских племен Эхирит и Булагат, в которой появляется мотив связи их родоначальников с семейством Чингис-хана. В наиболее известной версии данного предания говорится о происхождении Эхирита и Булагата от зооморфных предков — налива и быка [*Шаракшинова* 1980: 114–130]. Однако есть предание, где говорится, что жена Чингис-хана в его отсутствие родила двух сыновей и, желая скрыть это от мужа, решила перед его возвращением одного младенца положить в береговую щель, а второго — в яму, вырытую быком (традиционно считается, что именно в этих местах были найдены маленькие Эхирит и Булагат). Когда Чингис-хан вернулся, ему рассказали о найденных детях, и он решил их усыновить [*ЦВРК ИМБТ СО РАН. Общий архивный фонд. Д. 1805д*]. Интересно, что в этом предании рационализируется мотив чудесного рождения Эхирита и Булагата: он объясняется хитростью жены Чингис-хана, которая выдала своих внебрачных детей за сыновей налива и быка. В другом варианте этого предания матерью Эхирита и Булагата называется жена Хабато Хасара, брата Чингис-хана, которая тем же образом прячет детей, рожденных во время долгого отсутствия мужа [*Жамцарано* 2011: 45].

Примечательны генеалогические предания хори-бурят, в которых Чингис-хану отводится нетипичная для него роль: если обычно великий хан выступает всеобщим родоначальником, то хори-буряты считают его одним из потомков

своего праотца Хоридоя (или Хори). В преданиях говорится, что легендарная прама́терь рода Борджигин Алан-Гоа была дочерью Хоридоя, а следовательно — и Чингис-хан принадлежит к числу его потомков [Небесная дева лебедь 1992: 165]. Бурятский Хоридой здесь, очевидно, отождествляется с Хорилартай-мэргэном из монгольских хроник. Есть примеры фольклорных текстов, в которых прямо говорится о принадлежности Чингис-хана к племени хори. Так, в одной народной песне о нем поется:

Буряадхан гарбалай Шэнгэс хаамнай

Баруунхан хуасайн зээ юмэ.

‘Имеющий бурятское происхождение Чингис-хан наш

Приходится внуком [роду] баруун хуасай’ [Дампилова 2022: 215].

Наряду с преданиями о родственной связи различных этнических групп монголов с Чингис-ханом существуют тексты, возводящие к нему генеалогию некоторых других народов, например казахов или киргизов [Потанин 1881: 164–165; Потанин 1883: 230; Чингис хааны тухай домгууд]. В этих преданиях говорится, что однажды сын Чингис-хана тайком пробрался к его жене и, будучи неузнанным, вступил с ней в половую связь. Позднее его выдает отменина, оставленная на его теле женой Чингис-хана, и хан прогоняет своего сына (иногда — приказывает казнить, но слуги хана исполняют приказ не до конца, ограничившись изгнанием преступника). После этого отвергнутый сын становится родоначальником нового народа.

Отдельную категорию преданий составляют тексты о происхождении от Чингис-хана правящих династий великих государств. Например, есть предание, что четверо сыновей Чингис-хана стали правителями четырех разных стран: тибетским Далай-ламой, китайским императором, тюркским каганом и русским царем [Потанин 1883: 232].

Особенно явно прослеживается некогда распространенная среди восточных бурят традиция считать российских правителей из рода Романовых потомками Чингисидов. Есть разные версии предания о том, что основатель российской правящей династии был сыном Чингис-хана [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архивный фонд 36 (С. П. Балдаев). Д. 131. Л. 11; Небесная дева лебедь 1992: 167–168; Цыбикова 2022: 153]. В одной версии говорится, что во время похода Чингис-хана на Русь он взял в жены русскую императрицу, и последующие российские правители — прямые потомки Чингис-хана; в другой — жена Чингис-хана во время похода осталась в России и родила там сына, который стал русским царем; в третьей — Чингис-хан встречает прекрасную девушку, изначально явившуюся ему в облике лисицы, у них рождается сын, и он по велению отца становится правителем России, известным под именем Петр I (заметим, что этот правитель занимает особенное место в исторической памяти бурят в связи с поездкой хоринцев в Москву в 1702–1703 гг., и в фольклоре встречается утверждение, что именно Петр I принял бурят в российское подданство [Памятники фольклора 2015: 277]). Вероятно, рассказы о происхождении русских царей от Чингис-хана могли выполнять в бурятской культуре функцию «обосновывающей памяти» (см. [Ассман 2004: 83]), легитимируя переход бурят из-под власти монгольских ханов в подданство «Белого царя», который в свете таких преданий также обретал право на власть в монгольском мире. Связь представлений о родстве русского царя с Чингис-ханом и памяти о принятии российского

подданства в бурятском фольклоре подтверждают сами тексты преданий: в одном из них за рассказом о воцарении сына Чингис-хана в России следует эпизод, в котором буряты приходят проситься к нему в подданство, в другой версии утверждается, что Петр I покровительствовал бурятам, поскольку имел монгольское происхождение. Есть основания полагать, что в распространении этих представлений была заинтересована бурятская элита, инкорпорированная в российскую систему власти: например, по некоторым сведениям легенду о русском царе — потомке Чингис-хана сочинил в XIX в. Аюши Саагиев, один из авторов исторических хроник хори-бурят [Цыдендамбаев 1972: 61]. Впрочем, идея о том, что российские правители — это наследники Чингисидов, была распространена и в культуре других народов России и соседних стран, которые таким образом объясняли переход власти на обширной территории Евразии от одной империи к другой [Трепавлов 2007: 94–100].

Как и в преданиях предыдущих двух групп, в генеалогических преданиях с участием Чингис-хана в первую очередь проявляется его созидаящая, порождающая функция, которая здесь реализуется через генеалогические построения, возводящие происхождение современных этнических общностей и отдельных привилегированных родов к Чингис-хану. Вместе с тем помещение Чингис-хана в различные генеалогии также, по всей видимости, мотивируется желанием повысить символический статус своей группы, обосновав ее причастность к великому правителю. В некоторых случаях — как это показывает пример бурятских преданий о русском царе — потомке Чингис-хана — возведение генеалогии правящей династии к Чингис-хану могло легитимировать определенный политический порядок.

4. Заключение

Представления о Чингис-хане в фольклоре монгольских народов основаны на устойчивых фольклорно-мифологических структурах, которые, несомненно, «бытовали в Центральной Азии задолго до появления реального Чингисхана» [Жуковская 1988: 629]. К этим представлениям относятся мотивы, формирующие фольклорную биографию Чингис-хана, наделяющие его функциями культурного героя, лежащие в основе топонимических и генеалогических преданий с участием Чингис-хана.

В свете современных знаний о мифологии и исторической поэтике фольклора мы можем утверждать, что фольклорная «память» о Чингис-хане производится путем проекции на его фигуру комплекса представлений, традиционно связанных с образом первопредка-демиурга — культурного героя. Согласно концепции Е. М. Мелетинского, изначально «представления об этих трех категориях переплетены между собой, вернее — синкретически нерасчленены» [Мелетинский 2000: 178]. Соединены они и в фольклорном образе Чингис-хана, который, живя в некоторое «изначальное время» и обладая чудесной, необычной, как и подобает мифологическому герою, биографией, осваивает, преобразует и означает окружающий мир, создает важные предметы культуры, совершает действия, которые в дальнейшем превратятся в обычаи и обряды, дает начало современным этническим группам и династиям, в целом — закладывает основы существующего миропорядка.

Не удивительно, что многие сюжеты, в которых фигурирует Чингис-хан, не являются специфичными только для этого персонажа. Вместо него в них может

фигурировать Будда, Гэсэр, другие легендарные представители монгольского правящего рода — в общем, любые персонажи, также рассматриваемые в традиции в качестве первопредков, демиургов, культурных героев, ведь закономерности фольклорной памяти «допускают свободную циркуляцию атрибутов и предикатов внутри одного класса персонажей» [Неклюдов 2007: 85].

Можно заключить, что память о Чингис-хане в фольклорной традиции монгольских народов сформировалась на основе традиционных представлений о первопредках-демиургах — культурных героях, к числу которых был отнесен и легендарный правитель. Большинство реальных подробностей жизни Чингис-хана оказались за рамками этих мифологических представлений, а его фольклорный образ и биография составлены в основном из набора черт и мотивов, традиционно приписываемых героям данного типа.

Сокращения

бур. — бурятский язык
монг. — монгольский язык

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Басангова 2012 — *Басангова Т. Г.* Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск: Оттиск, 2012. С. 616–619.
- Бичеев 2021 — *Бичеев Б. А.* Образ Чингисхана в художественной традиции кочевых культур // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 2(50). С. 57–66.
- Владимирцов 1910 — *Владимирцов Б. Я.* Этнографические мелочи из жизни монголов: I. Водка. II. Табак // Живая старина. 1910. Т. 19. Вып. 1–2. С. 172–175.
- Гесериада 1935 — *Гесериада:* Сказание о милостивом Гесер-Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света / пер., вступ. ст. и коммент. С. А. Козина. М.; Л.: АН СССР, 1935. 245 с.
- Дампилова 2022 — *Дампилова Л. С.* Маркеры этничности в песнях бурят о Чингис-хане // Монголоведение. 2022. № 1. С. 212–222. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-212-222
- Дампилова, Дамбийхорлоо 2018 — *Дампилова Л. С., Н. Дамбийхорлоо.* Мифологические мотивы в преданиях и легендах о Чингисхане // Республике Бурятия — 95 лет: Сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 279–281.
- Ёндон, Сазыкин 1986 — *Ёндон Д., Сазыкин А. Г.* Одно из тибето-монгольских дидактических сочинений о происхождении водки и вреде пьянства // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, 1986. С. 232–251.
- Жамцарано 2011 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники. 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 264 с.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Чингисхан // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х тт. 2-е изд. Т. 2: К–Я. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 629.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niuča tobčiyun*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.

- Легенды о Чингисхане 2009 — Легенды о Чингисхане в устной традиции / пер. А. Д. Цендиной // Чингисиана: свод свидетельств современников / пер., сост. и коммент. А. Мелехина. М.: Эксмо, 2009. С. 429–442.
- Лубсан Данзан 1973 — *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
- Мелетинский 2000 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Вост. лит., 2000. 407 с.
- Мифы, легенды и предания 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков (= Хальмгудын домгуд, домг үлгүрмүд болн туужс.) М.: Наука – Вост. лит., 2017. 367 с.
- Небесная дева лебедь 1992 — Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост., запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; перевод и предисл. А. И. Тугутова; комм. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой (Б-ка «Сибирская живая старина»). Иркутск: Вост.-Сибирск. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov46.htm> (дата обращения: 02.02.2024).
- Памятники фольклора 2015 — Памятники фольклора монгольских народов: в 10 тт. Т. IV. Легенды и предания / гл. редактор Н. Ц. Биткеев; отв. ред.: А. Н. Биткеева, П. Ц. Биткеев; сост.: Д. Э. Басаев, Т. Баясалан, Л. Ц. Малзурова, С. Д.-Н. Малзурова, Д. Д.-Н. Малзурова, Л. Ц. Санжеева. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 651 с.
- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181 с.
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Санджэ-Сурун 2017 — *Санджэ-Сурун (Раднаева Г. Ж.)*. Вечный круговорот времен (Из жизни народа) = Үе сагуудай мүнхэ эрьесэ (Арад зоной ажабайдалхаа). Т. 6. Улан-Удэ: НоваПринт, 2017. 672 с.
- Семь звезд 2007 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 414 с.
- Сказания бурят 1890 — Сказания бурят, записанные разными собирателями. Иркутск: Тип. К. И. Вагковской, 1890. 160 с.
- Смолев 1902 — *Смолев Я. С.* Бурятская легенда о Чингис-Хане в связи с названием некоторых местностей Забайкалья и сопредельной Монголии // Труды Троицко-савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1900 г. Т. 3. Вып. 1. Иркутск: Тип. газеты «Восточное обозрение», 1902. С. 78–93.
- Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 253 с.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. III. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 312 с.
- Цендина 2004 — *Цендина А. Д.* Чингис-хан в устном и письменном наследии монголов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 406–424.
- Цендина 2007 — *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М.: Росс. гос. гуманит. ун-т, 2007. 272 с.
- Цыбикова 2022 — *Цыбикова Б.-Х. Б.* Образ Чингисхана в фольклоре бурят // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 3 (37). С. 149–159.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1972. 663 с.
- Чингис хааны тухай домгууд — Чингис хааны тухай домгууд [электронный ресурс] // URL: <https://www.e-nom.mn/book?bid=OTUwenomOTUw> (дата обращения: 02.02.2024).

- Шаракшинова 1980 — Шаракшинова Н. О. Мифы бурят. Иркутск: Вост.-Сибирск. кн. изд-во, 1980. 168 с.
- Birtalan 2005 — Birtalan A. The Mongolian Great Khans in Mongolian Mythology and Folklore // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2005. Vol. 58 (3). Pp. 299–311.
- Vansina 1985 — Vansina J. Oral Tradition as History. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. 256 p.

References

- Assman J. Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Trans. by M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Cultural hero in the mythology of the Kalmyks. *World of Central Asia – 3.* Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk, 2012. Pp. 616–619. (In Russ.)
- Bicheev B. A. The image of Genghis Khan in the Artistic tradition of nomadic cultures. *Bulletin of Kalmyk University.* 2021. No. 2 (50). Pp. 57–66. (In Russ.)
- Birtalan A. The Mongolian great khans in Mongolian mythology and folklore. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2005. Vol. 58 (3). Pp. 299–311. (In Russ.)
- Chenghis Khaany tukhay domguud. Available at: <https://www.e-nom.mn/book?bid=OTU-wenomOTUw> (Accessed: 2 February 2024). (In Mong.)
- Dampilova L. S. Markers of ethnicity in Buryat songs about Genghis Khan. *Mongolian Studies (Elista).* 2022. No. 1. Pp. 212–222 (In Russ.)
- Dampilova L. S., N. Dambiykhorloo. Mythological motives in traditions and legends about Genghis Khan. *The Republic of Buryatia — 95 years.* Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 279–281. (In Russ.)
- Geseriad: The Legend of the Merciful Geser-Mergen Khan, the Eradicator of ten Evils in ten Countries of the World. Trans., Introduction and Commentary by S. A. Kozin. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1935. 245 p. (In Russ.)
- Halbwachs M. Social Framework of Memory. S. Zenkin (trans.). Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)
- Heavenly Maiden Swan: Buryat Tales, Traditions and Legends. A. Tugutov (comp.); A. Tugutov (trans); I. Tugutov, A. Tugutov, L. Nurkaev (comp.) (“*Siberian Living Antiquity*”). Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1992. 368 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. Collected Works: in 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2004. 312 p. (In Russ.)
- Kozin S.A. A Secret History: Mongolian Chronicle of 1240 called Mongol-un niyuča tobčiyān. Yuan chao bi shi: Mongolian ordinary pick. Vol. 1. Introduction to the study of the monument. Translation, texts, glossaries. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Legends of Genghis Khan in the oral tradition. A. Tsendina (trans.). Genghisian: a body of evidence from contemporaries. Trans., comp. and comment. A. Melekhin. Moscow: Eksmo, 2009. Pp. 429–442. (In Russ.)
- Lubsan Danzan. Altan Tobchi (“The Golden Legend”). N. Shastina (trans., comm., adj.). Moscow: Nauka, 1973. 440 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Poetics of Myth. 3rd ed., reprint. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 407 p. (In Russ.)
- Monuments of Folklore of the Mongolian Peoples: in 10 volumes. Vol. 4. Legends and Traditions. ch. ed: N. Bitkeev (ed.), A. Bitkeeva, P. Bitkeev (eds.); D. Basaev, T. Bayasgalan, L. Malzurova, S. Malzurova, D. Malzurova, L. Sanzheeva (comps.). Moscow: IWL RAS, 2015. 651 p. (In Kalm. Buryat and Mong.)
- Myths, Legends and Traditions of the Kalmyks. *Khalmgudyn domgud, domg ülgürmüd boln tuuj.* Moscow: Nauka. Vostochnaya literatura, 2017. 367 p. (In Kalm. and Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Notes on “Historical Memory” in Folklore. AB-60. Collection for the 60th Anniversary of A.K. Baiburin (Studia Ethnologica. Proceedings of the Faculty of Ethnology. Issue 4). St. Petersburg: European University in St. Petersburg, 2007. Pp. 77–86. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov46.htm> (Accessed: 02 February 2024). (In Russ.)

- Potantin G. N. Sketches of Northwestern Mongolia. Vol. 2. Ethnographic Materials. St. Petersburg: Printing House of V. Kirshbaum, 1881. 181 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. Sketches of northwestern Mongolia. Vol. 4. Ethnographic Materials. St. Petersburg: Printing House of V. Kirshbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Sanje-Surun (Radnaeva G. Zh.). The Eternal Cycle of Times (From the Life of the People) = Üie saguudai münkhe er'iese (Arad zonoi azhabaidalhaa). Vol. 6. Ulan-Ude: NovaPrint, 2017. 672 p. (In Buryat and In Russ.)
- Seven Stars: Kalmyk Legends and Traditions. D. Basaev (comp.). Elista: Kalmyk Publishing House, 2007. 414 p. (In Russ.)
- Sharakshinova N. O. Myths of the Buryats. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1980. 168 p. (In Russ.)
- Smolev Ya. S. Buryat legend about Genghis Khan in connection with the Name of some areas of Transbaikalia and adjacent Mongolia. Proceedings of the Troitskosavsk-Kyakhta's Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. 1900. Vol. 3. No. 1. Irkutsk: Eastern Review, 1902. Pp. 78–93. (In Russ.)
- Tales of the Buryats Recorded by Various Collectors. Irkutsk: Typography of K. I. Vatkovskaya, 1890. 160 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. “The White Tsar”: the Image of the Monarch and Ideas about Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th–18th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 253 p. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Genghis Khan in the oral and Written heritage of the Mongols. Mongol empire and the nomadic world. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2004. Pp. 406–424. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Mongolian Chronicles of the 17th–19th centuries: Narrative Traditions. Moscow: Russian State University of Humanities, 2007. 272 p. (In Russ.)
- Tsybikova B.-Kh. B. The Image of Genghis Khan in Buryat folklore. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*. 2022. No. 3 (37). Pp. 149–159. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1972. 663 p. (In Russ.)
- Vansina J. Oral Tradition as History. Madison: The University of Wisconsin Press, 1985. 256 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Ethnographic trifles from the life of the Mongols: I. Vodka. II. Tobacco. Living antiquity. 1910. Vol. 19. No. 1–2. Pp. 172–175. (In Russ.)
- Yondon D., Sazykin A.G. One of the Tibeto-Mongolian didactic works on the origin of vodka and the dangers of drunkenness. *Mongolica*. In memory of academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov (1884–1931). Moscow: Nauka, 1986. Pp. 232–251. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries. 1903–1907. Ulan-Ude: Republic's Printing House, 2011. 264 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Genghis Khan. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols, 2nd ed. Vol. 2: K–Y. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988. 629 p. (In Russ.)